

Случай.

Этот случай произошел совсем не со мной. Его мне рассказал мой добрый дядя Митрей. Митреем зовут в коми деревнях Дмитриев. Митрей – бывший оленевод. Сколько ему лет, не знаю, но как себя помню, он всегда выглядел лет на пятьдесят. Семьи у него не было, и нет. «Он на тундре женился», - так про него шутят местные женщины. Он небольшого роста, с лысиной и небрежной щетиной на лице, придающей не столько брутальности, сколько мужицкой, может даже, дедовской мудрости. Да, именно мудрости! Митрей любит рассказывать разные истории из своей жизни. Он их как будто бы сказывает: монотонно, смакуя, добавляя чуть-чуть от себя для пущей остроты. Эту историю я слышал от него в такой обстановке. Был зимний вечер. Митрей заходил к нам в гости, пил чай. Потом взял папироску, сел у печки и начал свою тундровую сказку. Только сказка получилась грустной, с печальным концом.

Говорит Митрей, что это произошло лет десять назад. Они с бригадой были недалеко от Карской губы. Митрей с племянником Гришей и снохой Варваркой собирались съездить в поселок Усть-Кару, чтобы закупить продовольствия. А если честно, это я уже от себя добавлю, чтобы увидеть в Усть-Каре Настасью, которая очень нравилась Митрею, но никак не соглашалась выйти за него замуж. У неё была одна мечта: заработать и уехать в Санкт-Петербург, чтобы гулять по Невскому, ходить в модной одежде и смотреть на разводные мосты. Но её мечте не суждено было сбыться – пару лет назад Настасья трагически погибла от рук местного алкаша, требовавшего у неё бутылку водки. А Митрею разводные мосты и модную одежду заменяла его любимая тундра, которую он, казалось, ни на что не променяет. После смерти Настасьи Митрей часто вспоминал истории про поездки в Усть-Кару. Бывало, что нет-нет, да и вставит словечко про продавщицу местного магазина Настеньку. Но сейчас совсем не об этом. Собрались они втроем за покупками на оленьих упряжках. Солнце как раз поворачивало на восток. Часы показывали около пяти. За день нужно было успеть доехать, закупиться и вернуться назад. Завтра праздник – День оленя – праздник оленеводов. «Помню, - говорит Митрей, - как Варварка не хотела ехать, видно чувствовала что-то. Ёшкеб было нам». Ёшкеб – так коми оленеводы называют состояние страха, предвещающее какую-то неприятность. Но думать о чем-то плохом было некогда, надо ехать. Поехали. Ближе к полудню подъехали упряжки к небольшому ручью и остановились. Требовался отдых. Мужики закурили, а широколицая Варварка, ненка по национальности, достала слипшиеся куски вафель и термос с чаем из

брусничных листьев. Было тихо-тихо. Только слышно было, как олени фыркают и мужики под нос себе бормочут – планируют сегодняшнюю поездку. Вдруг, как из-под земли, дикий гул. Земля как будто бы затряслась. Олени сразу дёрнулись, наострив уши. В глазах северного животного отразился весь ужас, какой бывает при сильном испуге у маленьких детей. Крышка термоса с горячим чаем выпала из рук Варварки. Мужики вскочили. Что это? Гул становился сильнее. И вскоре уже оглушил всю округу. Потом, как говорит Митрей, делая смачный глубокий затыг догорающего беломора, (который есть, наверное, в запасе только у Митрея – вся страна уже и забыла о папиросах), резко все утихло; да так тихо стало, что в ушах зазвенело. От удивления узкие глазенки Варварки раскрылись, словно европейские, и впервые показали свою исчерни лукавую красоту. Сердце ёкнуло. «Самолет, самолет! Ааа! Самолет! Гриша, Митрей, самолет!» - махая руками и пытаясь подобрать точные слова для описания ощущений, кричала Варварка. Митрей, как он говорит, в этот момент выпал из реальности: перед глазами в километрах двух-трех от них был большой пожар. Клубы чёрного дыма поднимались высоко-высоко, наверное, доходили до Бога, о котором только что подумал Митрей: «Господи, там же люди!». Митрей спохватился, но было уже поздно – упряжка умчалась, Гриши тоже не было рядом, видимо, пытался остановить оленей. Свист из-за рощицы подсказал, что упряжки там. Варварка и Митрей побежали. Нужно было срочно добраться до пожара и всеми силами пытаться помочь людям. Ясно было, что это никакой не самолет. Это ракета. Раньше часто в тундре находили ступени ракет. Но тут не просто ступени, а вся ракета. Наверное, что-то пошло не так, и она рухнула на землю. Как потом оказалось, она упала на безлюдное место, и жертв не было. «Людей не убило, - говорит Митрей, - а вот тундру... Мать её... Дааа. Что тогда было!?!». А что тогда было? Пожар. Всёпоглощающий пожар, который в отличие от воды, как говорят старики, ничего после себя не оставляет. Под лучами закоптившегося солнца горела земля. Огонь быстро распространялся по малорослой рощице и обсохшим корням карликовых берёз и ив. Языки пламени проникали вглубь земли, касаясь торфа, словно выпивший паренек с наглостью пытается залезть под юбку скромницы. Вся беда в том, что торф начинал тлеть. А тлеющий торф, как раковая болезнь, убивает постепенно. Что могли сделать простые оленеводы? Да ничего. Огонь жег лицо и руки уже на расстоянии ста метров от очага. Пахло прожженной резиной и топливом. Ветер доносил и запахи жареной дичи. Это птенцы куропаток, которые ещё не научились взлетать выше, чем на полметра. Куропатки, к слову сказать, вообще своеобразный народ тундры. Мать-куропатка до последнего сидит над гнездом, чтобы сохранить своих детенышей, а порой просто гибнет под гусеницами вездеходов. Летом куропаток не видать: притаились в рощицах и сидят,

надев коричнево – черные пятнистые наряды. Идешь, бывало, в рощицу и вдруг из-под ног взлетает недовольная куропатка-мать: «Кабрррр-бабррррр». Видимо обиделась, что её, партизанку, нашли. Но вернёмся к происшествию. Варварка плакала. А что с неё взять? Баба есть баба: испугалась и в рев. Гриша держал оленей, плевался, изредка, сквозь зубы, кидая ёмкие истинно русские словечки на коми манер. Митрей бежал к эпицентру. Но огонь не позволял к себе приближаться. Да и едкий дым, и ужасный запах словно бы предупреждали: люди, не подходите близко. Митрей схватил топор, который он всегда таскает с собой на санях под оленьей шкурой, и начал разбивать колею в земле, чтобы остановить распространение огня. Но попытки оказались безуспешными. Огонь распространялся все больше. Ядовитый запах топлива и чего-то ещё очень неприятного, из чего, вероятно, строят ракеты, оседал в легких. Гриша дергал Митрея и Варварку, торопил их. Нужно было скорее добраться до поселка, а там уже и помощь прибудет - самим все равно нельзя ничего сделать. Но Митрей не слушал молодого товарища. Он со всей силы колотил в землю, делал колею. Потом все как в тумане стало - и темнота. «Больше ничего не помню», - говорит Митрей. Очнулся мой дядя в больнице Нарьян-Мара, куда его доставили бортом спасателей, тушивших пожар. Первая мысль была о Варварке и Грише. Но медсестра успокоила: «Жертв нет. Все живы! Скоро Вас выпишут. У вас отравление угарным газом. Вы были на пожаре. Горел торф. От жары». Торф? От жары? Митрей понимал, что истории про неудачные пуски ракет принято держать в секрете. Так ему советовали знакомые оленеводы, которые поговаривали, что под землей есть секретные объекты, военные базы, откуда ночами доносится гул. «Знаешь, что самое обидное, – продолжал с дрожью в голосе Митрей, - что тундра горела до сентября. Никто даже не пытался её потушить. Торф горел. Спасатели потушили лишь ракету. Подобрали там кое-что, и все. А тундра горит!». Да, действительно, обидно. Если раньше портили тундру только вездеходы нефтяников, то теперь беда пришла и с неба...

После того случая Митрей долго отходил. Но из тундры не ушел. Он оставил её только после того, как узнал о смерти Настасьи. Наверное, потому что тундра осиротела для Митрея без неё?.. Сейчас Митрей живет в селе, в доме своих родителей. Он помогает оленеводам: то нарты изготовит, то упряжь починит. Он знает ещё много историй. И не все они такие печальные. В следующий раз, когда придет в гости, думается, ещё одну расскажет.